

Добрый день, уважаемые друзья. Дорогие коллеги. Мы рады вас приветствовать сегодня в Москве, в пресс-центре ИА Росбалт. Сегодня наша пресс-конференция посвящена годовщине начала расследования преследования в Чечне российских граждан за их гомосексуальную ориентацию. И прежде чем начать нашу пресс-конференцию, я попрошу вас перевести ваши телефоны в беззвучный режим. Мы ведем прямую трансляцию на нашем канале в Youtube.

Наши сегодняшние спикеры – это правозащитник и со-основатель Российской ЛГБТ-сети Игорь Кочетков и специальный корреспондент Новой газеты Елена Милашина.

Игорь Кочетков

Здравствуйтесь, дорогие друзья.

Как уже было сказано, я представляю здесь Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть».

Год назад, примерно с середины марта, мы стали получать сначала отдельные сообщения, потом их становилось больше, о том, что в Чечне власти незаконно задерживают и пытаются мужчин, которые подозреваются в сексуальных отношениях с другими мужчинами, что их задерживают и пытаются только за это.

Уже тогда нам сообщали о многочисленных случаях убийств. Мы с нашими коллегами, правозащитниками из других организаций и журналистами из Новой газеты, стали эту информацию проверять, и уже к концу марта стало понятно, что то, что нам сообщают – это правда и мы имеем дело со случаем массовых задержаний и массовых пыток и убийств людей только из-за их сексуальной ориентации.

И в конце марта мы открыли горячую линию, на которую предложили обращаться всем, кто в этой ситуации пострадал. Сразу стало ясно, что бессмысленно апеллировать к правоохранительным органам Чечни. И единственное, чем мы могли в этой ситуации этим людям помочь – это эвакуировать их из Чеченской Республики, а затем и из России. На протяжении последнего года мы ровню этим и занимаемся.

За этот год (я прошу прощения) мы вывезли из Чечни 114 человек, из них 92 человека уже покинули Россию. Кто же эти люди? 41 человек непосредственно подвергся незаконному удержанию, пыткам и избиениям. Они были отпущены и смогли бежать из Чечни. К 14 мужчинам полиция приходила домой, и им либо угрожали задержанием, либо предлагали сотрудничество в обмен на безопасность, что означало по сути выдавать других. Либо к ним приходили, когда их не было дома, их предупреждали, и они тоже смогли уехать.

Еще 7 человек обратились к нам, когда были задержаны их знакомые. Они понимали, что под пытками знакомые назовут и их имена.

Судя по свидетельствам тех людей, которые были задержаны, единственное, что интересовало полицейских и военных, которые их пытали – это имена других геев. То есть больше их ничего не интересовало, никаких других обвинений им не предъявляли, только требовали называть имена. И поэтому опасения этих людей, которые обратились к нам, когда узнали, что их знакомых задерживают, были вполне обоснованы.

Наконец еще 7 человек, обратившихся к нам, это люди, которые получали угрозы от своих родственников, когда родственники собирались с ними расправиться.

Еще 35 человек – это члены семей пострадавших, жены, дети, которым также угрожала опасность.

Когда полицейские или бойцы Росгвардии отпускали задержанных, они отдавали их родственникам и требовали, чтобы родственники сами с ними расправились.

Тем, кого отпускали, говорили о том, что они не могут покидать Чечню. И как только полиция узнавала, что кто-то из них покинул Чечню, к родственникам начинали приходить, требовать, чтобы родственники связывались со своими сыновьями, братьями и добивались их возвращения, либо получали от них заявления, видеозаявления или письменные, о том, что они не имеют претензий к чеченской полиции. То есть оказывалось прямое давление на родственников.

Уже когда эти люди находились у нас, предпринимались попытки их похищения и насильственного возвращения в Чечню. К сожалению, трех человек родственникам удалось похитить. Их принудительно увезли в Чечню. Мы имеем информацию о том, что по крайней мере один из них уже мертв.

Также по не вполне понятным причинам 5 человек покинули нас сами, они вернулись домой. Предположительно, один из них уже мертв.

Кроме того, все эти люди, о которых я сейчас говорил, - это чеченцы, которые жили в Чечне. К нам кроме того обращались и жители соседних республик Северного Кавказа, которых чеченская полиция разыскивала несмотря на то, что они находились на территории других республик, разыскивала из-за их связей с чеченцами. Всего к нам обратились 8 таких человек. То есть эта кампания вышла за пределы Чеченской Республики.

Нужно понимать, что преследование людей из-за их сексуальной ориентации со стороны представителей правоохранительных органов Чечни происходило в Чечне и до 2017 года. Но это были преследования, которые проводились по личной инициативе отдельных сотрудников правоохранительных органов.

Например, уголовного розыска чеченского. И единственной их целью был шантаж. То есть сотрудники правоохранительных органов получали информацию о сексуальных отношениях мужчин с мужчинами, угрожали им, что все расскажут родственникам, и за свое молчание требовали деньги.

Размер выкупа, если это можно так назвать, зависел от положения человека. Если это был более-менее богатый и состоятельный человек, то требовали гораздо больше.

В чем же особенность тех преследований, которые происходили с января-февраля 2017 года?

Во-первых, удержания и пытки происходили в разных местах в одно и то же время. Известно как минимум 4 места, 4 так называемых незаконных тюрьмы, в которых удерживали людей, которые подозревались в гомосексуальных отношениях.

Это говорит нам о том, что это была скоординированная кампания, которая могла координироваться естественно только сверху.

Людей держали на территории, которую контролировала полиция, то есть городские управления внутренних дел или районные управления внутренних дел. Либо Росгвардия, в частности, отряды СОБР «Терек».

Кроме того, в этой кампании на разных ее этапах участвовали высокопоставленные чеченские должностные лица, которые беседовали с задержанными и их родственниками, которые угрожали им и призывали этих самых родственников с ними расправиться.

Мы можем с уверенностью говорить, поскольку неоднократно наши информаты называли три имени, это, во-первых, спикер чеченского парламента Магомед Даудов, начальник отдела МВД по городу Аргун Аюб Катаев и командир отряда СОБР «Терек» Абузайд Висмурадов. Все это говорит о том, что это уже была не частная инициатива каких-то нерадивых сотрудников правоохранительных

органов, это была кампания, которая была организована и санкционирована руководством Чеченской республики.

Кроме того, уже в ходе самой кампании, после того, как появились первые публикации Новой газеты, руководящие лица Чеченской республики, начиная с самого Рамзана Кадырова и его окружения, делали публичные заявления, в которых сначала они говорили, что в Чечне геев нет вообще, и к этому дополняли, что если бы и были, то их убивать надо. Что родственники должны их убивать. В данном случае это были практически публичные санкции на расправу с геями.

Может быть, откровеннее всех в первые дни после появления публикации Новой газеты высказалась член Совета по правам человека в Чечне Хеда Саратова, которая заявила, что «ко мне не поступало ни одного заявления, но я не стала бы даже его рассматривать. Я чеченка, я живу в этом обществе, и то, что вы говорите, это даже страшнее войны. Я уверяю вас, в нашем чеченском обществе человек, который уважает себя, традиции и обычаи, он сам будет без каких-либо структур преследовать и делать все, чтобы таких людей в нашем обществе не было».

Я хочу это подчеркнуть. Это прямое указание, что таких людей в чеченском обществе быть не должно. А что с ними должно произойти, если они все-таки есть? Они должны быть уничтожены.

Рамзан Кадыров в своем более позднем интервью говорил о том, что если такие найдутся, уберите их отсюда подальше чтобы очистить нашу кровь. Это прямые цитаты. Увезите их в Канаду.

То есть, во-первых, это прямая санкция на убийство. Во-вторых, это говорит о том, что чеченские власти, чеченские силовые структуры не в состоянии и не желают расследовать это преступление. То есть, если бы даже к ним и поступили такие заявления, они бы не стали их рассматривать. На территории Чечни это преступление расследовано быть не может.

Кроме того, важно обратить внимание, что людей не просто удерживали, но их пытали. Это были систематические пытки, в том числе избиения, пытки электрическим током, нанесения ударов различными предметами. Очень часто упоминают информанты пластиковые трубы, которыми их били.

Все эти обстоятельства позволяют нам сделать вывод о том, что мы имеем дело с преступлением против человечности как его понимает Римский статут Международного уголовного суда, его седьмая статья.

Мы имеем дело с организованным систематическим преследованием людей, объединенных определенным признаком, в данном случае – сексуальной ориентацией, применением к ним похищений, пыток и убийств. Это и есть преступление против человечности.

Я бы также хотел обратить особое внимание на положение лесбиянок и трансгендерных женщин в Чечне. О них очень редко говорят в связи этими событиями потому, что действительно изначально целью чеченской полиции, чеченских военных были именно мужчины. Тем не менее, за этот год к нам обратилось 12 женщин, среди них были как лесбиянки, так и трансгендерные женщины, которые рассказывали о насилии со стороны родственников и о интересе к ним со стороны полиции.

Мы также знаем от наших источников, которые имеют доступ в секретные тюрьмы, что там уже содержатся в том числе лесбиянки. С января к нам поступает такая информация. Они подвергаются тем же пыткам, что и остальные, плюс они подвергаются сексуальному насилию.

Положение женщин, лесбиянок и трансгендерных женщин, оно в каком-то смысле даже тяжелее, чем положение мужчин. Им гораздо сложнее бежать. Если мужчина может обмануть своих родственников и сказать, что он поехал на заработки в Москву, и мы таким образом можем его вытащить, то женщины находятся под полным контролем своих родственников практически всегда.

И приходится придумывать очень сложные схемы для того, чтобы они могли каким-то образом выехать. По той же самой причине и информации о женщинах у нас гораздо меньше. Они имеют куда меньше возможностей и шансов к кому-то обратиться, кому-то пожаловаться.

Это то, что я хотел сказать изначально. Я буду готов ответить на ваши вопросы. Дальше Елена расскажет о ходе официального расследования.

Елена Милашина

1 и 3 апреля прошлого года в Новой газете были опубликованы статьи, посвященные преследованиям мужчин, жителей Чечни, за нетрадиционную сексуальную ориентацию. Сразу после этого мы обратились в Следственный комитет и в Генеральную прокуратуру. Почему в Генеральную прокуратуру? Потому, что мы знаем практику Следственного комитета воспринимать заявления о преступлении как обращения согласно внутренней инструкции и не реагировать на них положенным законным образом. Поэтому мы обратились к Генеральному прокурору РФ Чайке, чтобы он обязал Следственный комитет выполнить закон и начать проверку по фактам, изложенным в нашей публикации.

Факты свидетельствовали о том, что в Чечне происходит организованное преследование массовое жителей Чечни, мужчин, за то, что они геи или по подозрению в том, что они геи.

Резонанс международный, который поднялся после этих публикаций, после огласки этой ситуации, привел к тому, что впервые за 10 лет наше заявление было воспринято следственным комитетом. И впервые за 10 лет, за которые мы опубликовали массу статей, свидетельствующих о том, что практика в Чечне внесудебных расправ распространена, была начата доследственная проверка. Она была начата 18 апреля 2017 года.

Это очень важный момент, она была начата по нашему заявлению. То есть формально мы, Новая газета, должны были быть признаны заявителями по этой доследственной проверке.

Однако несмотря на то, что 19 апреля мы уже, трое корреспондентов Новой газеты, были опрошены, это те люди, которые непосредственно общались с жертвами, были опрошены. Собственно, проверка начинается с наших объяснений. Но Новая газета не была признана заявителем по этому делу, и также не была признана по факту угроз журналистам Новой газеты, которые поступили в публичном пространстве 3 апреля прошлого года и были высказаны на многотысячном собрании религиозных и общественных деятелей Чечни в центральной мечети города Грозного 2 апреля.

Там была принята резолюция, которая в буквальном смысле носила угрозы всем сотрудникам Новой газеты, не только авторам этой публикации. Мы обратились в следственный комитет тоже, и в ту проверку, которая началась 18 апреля была заложена и эта компонента. То есть следствие не только должно было выяснить, имели ли место преследования мужчин в Чечне за нетрадиционную сексуальную ориентацию, но и был ли факт угроз в отношении журналистов Новой газеты.

Также мы особо оговаривали в наших публикациях... Мы много лет пишем о том, что в Чечне широко распространена практика внесудебных расправ, это незаконные задержания, похищения, пытки, многомесячные и даже многолетние удержания людей в секретных тюрьмах и убийства.

На тот момент в нашем распоряжении была информация о ситуации, которая не имела отношения к преследованиям геев в Чечне, но она напрямую относилась вот к этой практике внесудебных расправ. У нас была информация о 27 жителях Чечни, которые были задержаны в декабре 2016 – январе 2017 года, и в конце января они были казнены по подозрению к причастности к экстремизму или терроризму.

Никаких официальных задержаний не было, никаких официальных обвинений им никто не предъявлял, их просто убили. И мы передали эти фамилии, 24 человека, следствию, потому, что мы осуществляли свое журналистское расследование, и мы передали это следствию, во-первых, как факт того, что внесудебные расправы по разным мотивам в Чечне распространены и надеялись на помощь следствия. Нам казалось, что это страшное преступление, и следствие должно было тоже по этому поводу проводить проверку.

Одновременно 19 апреля, когда нас опрашивали, мы передали следствию первые два имени убитых жителей Чечни, мужчин, которых убили по гомосексуальному мотиву.

Почему только два, хотя мы писали о массовых задержаниях, и это потом было подтверждено массовым потоком живых свидетелей и жертв, которые прошли через эту ситуацию.

Потому, что ситуация с преследованием геев в Чечне была исключительной с той точки зрения, что всегда, когда мы писали о внесудебных расправах в Чечне, родственники жертв были на стороне журналистов. Они снабжали нас информацией, они подтверждали факты, которые случились с их родственниками: что они были задержаны, что они были похищены сотрудниками правоохранительных органов, что они удерживаются в незаконных местах лишения свободы в Чечне, что они возможно убиты. То есть этой информацией нас снабжали родственники и они ее подтверждали.

В ситуации с преследованиями жителей Чечни за нетрадиционную сексуальную ориентацию родственники были не на нашей стороне по двум причинам. Первое, признание того, что ты гей в чеченском обществе влечет позор не только на человека, так относятся к этому общество в Чечне, на Кавказе, да и в России в общем-то во многом тоже, но это очень остро именно на Кавказе в связи с особенностями местного общества. И я сейчас вам продемонстрирую на материалах уголовного дела насколько это опасно даже признать себя геем. Это влечет позор на весь род. И поэтому родственники конечно же никогда не признают, что кто-то из членов их семьи – гей.

Это был важный момент. Ну и второй момент, тот факт, что людей, родственников во многом заставляли быть соучастниками этих преступлений потому, что их обязывали убивать своих близких, которых считали сотрудники полиции и представители чеченской власти геями.

Я вам сейчас приведу цитату из допроса муфтия Чечни Межиева. Игорь уже говорил о высказываниях чеченских общественных деятелей, в том числе, Хеды Саратовой, которая также была опрошена в рамках этой проверки, и которая уже смягчала, понимая насколько ее слова чреватые последствиями, в том числе и уголовного плана, она уже смягчала свои высказывания и говорила, что, если бы они обратились, эти люди, к ней, она бы им конечно помогла.

А вот муфтий Межиев не счел нужным смягчить свою позицию, и он прямо во время опроса следователем говорит на вопрос следователя. Цитирую. «В чем по-вашему выражается нанесение оскорбления вековым устоям чеченского общества и достоинству мужчин-чеченцев, а также мусульманской вере публикация Новой газеты»? И вот муфтий Межиев отвечает. «По канонам ислама лица, придерживающиеся нетрадиционных сексуальных отношений, караются казнью. Но так как казнь в нашем обществе запрещена законом, то мы осуждаем действия таких лиц, а наказание будет от Всевышнего. По чеченским адатам если хоть один человек в роду являлся нетрадиционной сексуальной ориентации, то весь этот род считается опозоренным. И род сам этого человека ликвидирует».

Я думаю, что это такая совершенно бескомпромиссная, честная позиция главного муфтия Чечни Межиева о многом говорит. Собственно, эту позицию разделяют все в чеченской власти, чеченские силовики, чеченское общество. Поэтому очень сложно нам было проверять информацию о жертвах, в первую очередь убитых.

И именно тогда, когда прошло совсем немного времени после первой публикации, у нас были только две фамилии, в которых мы были абсолютно уверены, хотя сведений о других у нас было много, подтвердить это было достаточно сложно. Мы очень боялись ошибиться. Но в этих двух фамилиях мы были абсолютно уверены. Эти фамилии мы назвали следствию и, собственного говоря, я готова вам и сейчас их назвать. Тем более, что они уже звучали неоднократно в публичном пространстве.

Это житель Чечни и очень известный на самом деле чеченец Арби Альтемиров. Он соответственно был членом жюри очень известного телешоу в Чечне, его можно сравнить с нашим телешоу Голос. Он был поэтом, прозаиком, это я читаю с сайта официального информагентства Чечни ChechnyaToday, почетным работником образования Российской Федерации, членом Совета по культуре при главе Чеченской Республики Рамзане Кадырове.

Рамзан Кадыров очень тепло относился к этому человеку, любил его поэзию и всячески приподнимал этого человека в обществе, и поэтому его действительно знали многие.

Когда началось расследование обстоятельств его гибели во время следственной проверки было опрошено большое количество людей, в том числе высокопоставленных чеченских чиновников, которые говорили, что Арби Альтемирова они не знают и никогда о нем не слышали. А уполномоченному по правам человека Татьяне Москальковой, которая спрашивала и тоже узнавала обстоятельства смерти этого человека, сказали, что он вообще сельский житель.

Этот сельский житель, а точнее очень известный в Чечне человек, умер 8 марта. По нашим сведениям он был убит 8 марта. Он содержался в аргунской тюрьме, был страшно избит. У нас есть многочисленные свидетельства от тех людей, что находились с ним в этой тюрьме, в каком он состоянии был. Мы все эти свидетельства передали следствию.

Когда следствие начало проверять, выяснилось действительно, что Арби Альтемиров мертв. Что умер он 8 марта. Но свидетельство о смерти, которое приложено к материалам дела о проверке, датировано 4 апреля, это сразу после публикации в Новой газете. Мы тогда не называли его имени. Мы просто написали, что это известный телеведущий, который стал жертвой этой кампании. И вот 4 апреля было выдано свидетельство о смерти человека, который по версии следствия, по версии его родственников, умер дома. Умер он по версии следствия и справки, которая выдана, от тромбологической эмболии.

При этом вскрытия этого человека не было. Врач приехал и, судя по ее объяснениям, на глаз установил диагноз. Все говорят, что никаких следов побоев не было, что он похоронен, но на самом деле это не первый случай в материалах проверки, когда врачи приезжают и без всякого вскрытия устанавливают достаточно сложные диагнозы. И можно сделать даже некий вывод о том, что врачи в Чечне обладают какими-то паранормальными способностями, когда они просто при визуальном осмотре могут установить сложнейшие диагнозы, которые в принципе невозможно установить без вскрытия.

Я приведу в подтверждение моих слов еще один материал из этой проверки. Он касается не геев, он касается той части, которая, той части проверки, где расследуются обстоятельства задержанных и убитых по подозрению в терроризме жителей Чечни, которые мы передали следствию.

В декабре 2016 года было нападение на чеченских полицейских в рамках которого было задержано много людей. В том числе были задержаны два человека, они были ранены при попытке их задержания и помещены в больницу. И оба этих человека по версии следствия тоже умерли от закрытой черепно-мозговой травмы, которая наступила у обоих, один и тот же диагноз, от ранения в ногу.

Никакого вскрытия не было, это абсурдный диагноз, который написан. Это показывает, как легко в Чечне получить любую бумажку с любым диагнозом, и очень странно, что следствие безо всякой проверки этому верит.

Когда мы передавали следствию имена убитых, мы говорили сразу, что единственный способ проверить, как эти люди были убиты – это эксгумация. Следствие даже не подошло к этому моменту. Они установили место захоронения, они установили факт смерти людей, они установили, что причина смерти ничем не подтверждена потому, что эта бумажка не может быть доказательством. Но дальше этого никто не пошел. Следствие поверило бумажке, которая настолько абсурдна: закрытая черепно-мозговая травма от ранения в ногу. Причем у обоих. Один и тот же диагноз под копирку написан. В принципе невозможно этому верить. Но тем не менее следствие этому доверяет.

Это первая история с первым человеком. Вторую фамилию мы назвали, на самом деле это была очень важна фамилия, мы тогда не совсем понимали, как эта фамилия пишется и потом следствие само установило анкетные данные этого человека, это Зелимхан Устарханов, житель Аргуна. Он по нашим данным был первым задержан в конце февраля 2017 года. Именно из его мобильного телефона были извлечены контакты большого количества чеченских геев, и по этим контактам дальше пошли задержания. И так началась кампания против геев в Чечне.

Что выяснило следствие по поводу Зелимхана Устарханова. Оно выяснило, что этот человек действительно был, жил в Аргуне, работал там же, у нас была информация, что в МФЦ Старопромысловского района города Грозного. Внезапно он уволился, поругался якобы с отцом и уехал и пропал.

Ну, во-первых, это совершенно не свойственное для чеченцев поведение, когда они уходят из дома и не выходят на связь со своими родственниками, чеченцы очень связаны со своей семьей. Но это даже не самое главное.

Следствие даже не попыталось выяснить, кроме того, что оно опросило родственников, опросило соответственно работодателей, не попыталось найти какие-то объективные доказательства, мог ли Устарханов уехать из Чечни, каким образом он это сделал, куда он уехал, есть ли какие-то билеты, поездом, пешком, самолетом, автобусом, на который тоже сейчас нужно покупать билет по паспорту. Этого ничего нет.

Следствие опросило родителей. Задало им вопрос: ваш сын гей? На что получило ответ: нет. И тем самым установило, что Устарханов да, пропал, и да, он где-то там находится. В конце концов следствие даже завело уголовное дело по факту убийства этого человека и похищения его, но при этом установило, что мотив возможного совершенного против него преступления – похищения и убийства – никак не связан с его гомосексуальной ориентацией. А как оно это установило – оно спросило родственников, гей ли ваш сын. Нет. И этого для следствия было достаточно, чтобы установить отсутствие мотива преследования этого человека.

Более того, мы изначально просили следственный комитет и Бастрыкина, Председателя Следственного комитета, чтобы эта проверка велась какими угодно силами, лучше всего конечно силами центрального аппарата Следственного комитета, но только не силами чеченского следственного комитета и чеченской полиции.

В результате же вся эта проверка, она велась следователем, формально следователями, потому, что они меняли друг друга, Главного следственного управления по Северокавказскому федеральному округу, но все оперативное сопровождение по этому делу осуществляли чеченские полицейские. То есть чеченские полицейские по сути расследовали преступление, в котором мы обвинили чеченских полицейских.

То от чего мы пытались уйти изначально, это было сделано руками следствия. Была передана информация по всем людям, по всем фамилиям. Все установочные данные, которые позволяли установить жертв, как живых, так и мертвых, всех родственников. И это очень плачевно закончилось потому, что на большинство родственников стало оказываться давление. И свидетельства этого давления, они все есть в материалах проверки. Следствие не дает этим действиям никакой оценки.

Я вам расскажу про один факт такого давления в отношении живого человека, который находился уже у нас в шелтере Российской ЛГБТ-сети, который прошел тюрьму, которого мы, Российская ЛГБТ-сеть, эвакуировала уже из страны. Ему позвонил его брат, и сказал, что ко мне пришли чеченские полицейские и они требуют, чтобы ты приехал. На что этот человек, он установлен следствием сам, мы не говорили его фамилию или имя, вот по тем обстоятельствам они смогли его установить. На что человек сказал, я категорически не приеду, ты же понимаешь, что со мной произойдет. И брат сказал ему, что меня тогда обещают забрать, держать и делать со мной все, что угодно, может быть, даже убить, если ты не приедешь.

Тот человек, которому мы обеспечили безопасность и которого спасли, он не приехал, хотя я еще раз говорю, для чеченцев семья – это очень важный момент. С семьей чеченца можно сделать, все шантажируя его семьей, манипулируя семьей с чеченцем можно сделать все, что угодно. Нам сложно может быть понять, но вот этот менталитет кавказский, это основополагающая ситуация, мотивация для чеченцев. Они сами готовы умереть, но для своих родственников они сделают все, чтобы их защитить.

И наш мальчик, который уже находился у нас, он сделал видео. Что он находится в Москве, что он на заработках, что он отказывается от общения со следствием, что с ним все хорошо. И переслал видео брату. Брат передал это следствию. Следствие удовлетворилось этим и не стало дальше работать по этой ситуации.

Вообще все материалы проверки говорят об огромной работе, проведенной следствием, сразу должна сказать, это 18 томов, в каждом томе минимум 300 страниц. Следствие опросило всех высокопоставленных лиц, за исключением разве что Рамзана Кадырова. Опросило всех начальников полиции Грозного и самых основных районных отделов полиции. Изъяло все журналы регистрации задержанных. Хотя мы все время говорили о том, что все эти люди неофициально задержаны. Но тем не менее, в следствии только 5 томов – это журналы регистрации задержанных.

Следствие осмотрело все места, где как мы говорили незаконно удерживали и продолжают удерживать людей, это тоже исключительная ситуация для Чечни. Базу Росгвардии «Терек», Аргунское РОВД, где больше всего количество жертв у нас оказалось, которые прошли через аргунскую тюрьму, тюрьму в Цоцин-Юрте, УМВД Грозного. То есть там осмотров мест происшествия очень много. Проблема в том, что следствие их осматривало не так, как это было бы целесообразно. То есть целесообразно и стоит делать такие следственные действия внезапно. То есть ты никого не предупреждаешь, ты приезжаешь и проверяешь, есть ли там незаконно содержащиеся граждане, нет ли там их.

Следствие у нас проверяло эти места незаконного лишения свободы после того, как их неоднократно проверила сама чеченская полиция, которую мы обвиняли в том, что по аргунскому РОВД, где там незаконная тюрьма и больше всего жертв у нас было именно оттуда... Мы выпустили статью, 1 и 3 апреля у нас вышли две статьи сразу подряд, 12 апреля свое собственное РОВД проверяет начальник аргунского РОВД Аюб Катаев, которого мы обвиняем в том, что он организовал все эти пытки и незаконные задержания людей по мотиву их нетрадиционной сексуальной ориентации. 14 он опять ее проверяет. Потом приезжают туда чеченские общественные деятели и проверяют эту тюрьму во главе с Хедой Саратовой, потом приезжают туда иностранные журналисты, и только потом следствие проводит осмотр места происшествия.

То есть следствие провело осмотр места происшествия, это не так называется юридически, а следствие осмотрело все эти тюрьмы месяц спустя. Ничего, естественно, никаких следов пребывания людей не нашли, все было захлавлено мусором, все помещения были пустынные, там вообще такое ощущение никто не обитал.

Было достаточно времени, чтобы все следы уничтожить, все это понимают. И вообще следствие сделало очень много действий совершенно формальных. На самом деле, когда первый следователь начал эту проверку, он, именно он, не мы придумали это, он уловил очень важную деталь для эффективного расследования этих преступлений.

Когда задерживали мужчин в Чечне, именно вот по этому мотиву, задерживали не просто так. У них хотели и под пытками выбивали контакты других геев. И первым источником таких сведений всегда был телефон таких людей. И эти телефоны, которые оставляли включенными, вот человек сидит в незаконном месте лишения свободы, а сотрудники полиции его телефон не выключают, чтобы на него звонили другие контакты. Этот телефон все время включен.

И именно следователь, который начал эту проверку, Игорь Александрович Соболев, сказал, что телефон играет здесь основную роль, и возможность дает техническую для установления того, были ли эти люди, были ли их телефоны в том момент, когда они были задержаны, вот в этом месте. Это очень легко определить по биллингу, по привязке к номеру телефона абонента к базовым станциям. Следствие имело эти телефоны, установило эти телефонные номера, и не запросило ни одного биллинга. Оно просто поверило на слово.

Оно проводило свою доследственную проверку таким образом. Вызывают высокопоставленного чеченского чиновника Магомед Даудова, который фигурирует во всех наших показаниях, наших жертв и спрашивают его: вы совершали это преступление? Он говорит нет. Следствие больше не задает никаких вопросов. Вызывает оно чеченских полицейских. Вы совершали? Нет. И вот так вот из этих «Вы совершали» и «нет» и состоит вся проверка. В принципе следствие работало. Но на что оно работало совершенно непонятно. Потому что в принципе все эти преступления очень легко расследовать. Технически сейчас возможности позволяют сделать очень многое, если есть желание.

Я могу еще долго говорить, как я сказала 18 томов, 300 страниц в каждом, это очень интересно. Мы будем потом подробно об этом писать доклад и говорить еще потому, что там много всего. Но это вот такие первые результаты и нам очень сильно повезло потому, что на протяжении года ни нас, формально заявителей, которые должны быть признаны по двум основаниям, как заявители тех признаков преступления, а именно преследования людей за их сексуальную ориентацию в Чечне. Мы первые об этом написали, мы первые подали заявление, мы должны быть признаны как заявители по этому основанию. Ни как пострадавших от угроз со стороны чеченских религиозных деятелей и чеченских властей, это тоже отдельная ситуация, она тоже очень абсурдна потому, что в этой проверке пропала лингвистическая экспертиза этих высказываний. То есть она фигурирует в ответах уполномоченного по правам человека, то есть Председателя Совета по правам человека при президенте России Федотова, что эта экспертиза лингвистическая есть, которая не усматривает факта угроз, но ее нет в проверке, мы даже обжаловать не можем, нас лишили такого права.

Нас вообще не извещали. Ни нас, ни других заявителей, никого, ни вас собственно говоря, ни всю общественность, потому что Следственный комитет по закону должен каждый, раз, когда выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по такому резонансному общественному важному событию, он должен по закону извещать всех нас, ну и тем более заявителей. Этого не происходило. Год следственный комитет молчал, пока чудом не открыл тайну следствия, не выдал этот материал проверки, по которому я сейчас вкратце, извините, может быть слишком много фактуры, но вкратце вам рассказала каким образом проходила эта проверка.

Игорь Кочетков

Если можно, еще пара слов. Во-первых, я бы хотел обратить ваше внимание на эту брошюру, которую вам уже раздали, это обобщенный материал того общественного расследования, которое проводили мы. Здесь есть и свидетельства жертв, и наша аналитика, пожалуйста, пользуйтесь.

Еще один момент, в дополнение к тому, что сказала Елена, о том, как происходило это так называемое расследование. Я говорю так называемое потому, что даже уголовное дело не было возбуждено. А есть такие следственные действия, которые без возбуждения уголовного дела невозможно провести.

Так вот как они проводили эту проверку. Через нас, через нашу организацию за год прошло более 100 человек, которые нам говорили о том, что с ними происходило. Вы думаете следствие кого-то из нас опросило? То есть они к нам обратились? Нет. Не было ни одной даже попытки с нами связаться, с нами поговорить. Мы не обладаем полномочиями выступать от имени жертв официально потому, что большинство из них нас не уполномочивало называть даже их имена. Но тем не менее, мы вероятно обладаем какой-то информацией, которую мы озвучиваем публично. Следствие не сочло нужным обратиться к нам. И из этого мы делаем вывод о том, что задачей работы Следственного комитета было замять это дело. Все признаки, о которых Елена говорила и которые мы сами видим, они об этом говорят.

Я также хотел бы обратить внимание на то, что мы также обращались в следственные органы, и в связи с высказываниями Хеды Саратовой, и пресс-секретаря, не помню, как называется эта должность, Альви Каримова, и высказываниями Рамзана Кадырова потому, что в них содержится прямой призыв к убийству. Никаких действий не было предпринято, никто не указал этим господам на то, что такие высказывания недопустимы. И они продолжают высказываться в том же духе немножко смягчив какие-то слова.

И последнее, на что я хотел обратить внимание. Тот факт, что жертвы преступлений на почве гомофобной и трансфобной ненависти не обращаются в полицию, и даже если они обращаются в полицию, полиция игнорирует их обращения, к сожалению, это не только чеченская проблема. Это не только проблема Северного Кавказа. По данным нашего мониторинга, который мы ведем уже 10 лет, в 90% случаев люди не обращаются в полицию потому, что они боятся. Боятся подвергнуться дополнительным унижениям и может быть даже физическому насилию.

Адвокаты, которые ходили вместе с потерпевшими в полицию свидетельствуют, что полиция зачастую позволяет себе гомофобные и трансфобные высказывания из серии «я бы сам таких убивал». В тех случаях, когда жертвы все-таки обращаются, когда мы сопровождаем этих жертв, предоставляем им юридическую поддержку, уголовные дела возбуждаются только в случае убийств вообще. Когда человека просто уже убили. Но при этом мотив гомофобной и трансфобной ненависти не признается. У нас сейчас в ЕСПЧ есть одно дело, где мы выступаем третьей стороной, по факту нападения на ЛГБТ-комьюнити центр в Петербурге в 2013 году. Там один человек в результате, а это было вооруженное нападение, в результате этого нападения один человек потерял глаз. И следствие для проформы открыло дело, но очень быстро его закрыло. И они не предприняли никаких действий для того, чтобы разыскать нападавших. Они просто закрыли дело. Сейчас естественно это дело в ЕСПЧ. Это как раз иллюстрация того, что то, о чем мы говорили, не совсем чеченская проблема. Спасибо.